

В. Г. Вовина-Лебедева

Санкт-Петербургский институт истории РАН,
Санкт-Петербург, РФ

ОБРАЗ ПОЛЬСКИХ ИНТЕРВЕНТОВ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ СМУТЫ И ЕГО РАЗРУШЕНИЕ

Советская парадигма в исследовании Смуты начала XVII в. возникла как противопоставление досоветской. За пять лет до революции, в 1912 г., по стране прошли торжества, связанные с трехсотлетним юбилеем освобождения Москвы от захватчиков, чествованием памяти Минина и Пожарского, к чему была приурочена и канонизация патриарха Гермогена, мученически погибшего в Кремле в период пребывания там польско-литовского гарнизона. Эти торжества были пропитаны духом национализма, русского патриотизма, идеализацией начала династии Романовых (приход к власти которой был следствием событий 1612 г.) и вообще русского XVII века, а также прославлением православия, отстоявшего себя в столкновении с католицизмом.

Все это после 1917 г. не годилось. Новую историческую парадигму можно назвать «классовой». В основе ее лежало интернациональное, а не национальное понимание истории. Главным идеологом такого подхода был М. Н. Покровский. Он первым сформулировал тезис, что Смута — это классовый конфликт. Во всей сложности событий начала XVII века он видел только социальные движения. Самозванцы Лжедмитрий I и Лжедмитрий II — «крестьянские цари». Только по причине объединения дворян и бояр против «крестьянских царей» восставшие были вынуждены «дружить с иноземцами» и вместе с ними бороться с дворянами. Ополчения же, в том числе нижегородское ополчение во главе с Мининым и Пожарским — это явление контрреволюции.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что «Русская история в самом сжатом очерке»¹ была издана в 1920 г. — в год советско-польского противостояния. Но даже это не вызвало соблазна провести параллель с событиями трехсотлетней давности. В новом понимании истории национализму не было места.

Глава, посвященная Смуте, называется у М. Н. Покровского «Крестьянская революция».² Прежним, то есть буржуазным, историкам, по мнению Покровского, хотелось скрыть классовую сущность движения, поэтому они «стали рассказывать, что будто новый царь Лжедмитрий или Названный Димитрий,³ как его называли, выдвигался именно польскими помещиками и католической церковью». Тут как раз пригодились параллель с современностью, но не с советско-польской войной, а с революцией в России: в 1917 г. «буржуазные газеты тоже рассказывали, что это дело устроили немцы, что все это подкуплено, устроено на иностранные деньги и т.д.»⁴

По поводу приглашения королевича Владислава на московский трон М. Н. Покровский заметил лишь, что «очень скоро заговорщики должны были убедиться, что они променяли кукушку на ястреба». Забавно, что, таким образом, кукушкой оказывался прежний царь Василий Шуйский, а ястребом — польский король Сигизмунд. Сигизмунд был «представителем тогдашнего польского империализма». «Польские помещики...стали мечтать о том, чтобы попросту присоединить Московское государство к Польше, как они раньше...присоединили к Польше Литву».⁵ Король стал раздавать земли своим соратникам, и только это вызвало недовольство его политикой и «брожение», хотя об истинной его подоплеке (конкуренции) открыто не говорилось. Купец Минин стал собирать ополчение, якобы для «освобождения Москвы от поляков и единоверцев», а на деле («в том-то и состояла его гениальная выдумка») обещал высокое жалованье.⁶ Поэтому-то на его сторону и встало население. В результате «в Москве торжествовали победу православия над католицизмом, который якобы опять хотел забраться сюда, как при первом Дмитриии», но защита родины и защита своей мощны у этих людей, как у буржуазии всех времен, сливалась...в одно».⁷ В итоге, «в лице Минина и Пожарского одержал победу торговый капитал (важ-

¹ Покровский М. Русская история в самом сжатом очерке. Части I и II (От древнейших времен до второй половины 19-о столетии). М. 1920.

² Там же. С. 65 и далее.

³ М. Н. Покровский старался избегать понятия «Лжедмитрий».

⁴ Там же. С. 66.

⁵ Там же. С. 75.

⁶ Там же. С. 77.

⁷ Там же. С. 78.

нейшее для М. Н. Покровского понятие), для которого купцы были хозяевами, а помещики — первыми и ближайшими слугами».¹

Другая парадигма — патриотическая — не сразу была усвоена советскими историками.² С начала 1930-х гг. (рубеж — 1934 г.) появились новые идеи по поводу национального вопроса и преподавания истории. Патриотизм стал осознаваться как явление прогрессивное. И это было направлено против идей Троцкого о мировой революции как главной цели современной истории. Мысль, что самодержавие не представляло собой интересы исключительно только господствующих классов, конечно, была прямо противоположна взгляду М. Н. Покровского, умершего в 1932 г. Взгляды Покровского подверглись официальному осуждению, к которому были привлечены в его ученики.³ В числе прочих обвинений Покровскому инкриминировался троцкизм. В частности, оценка Смуты как казацко-крестьянской революции, когда самозванцы признавались ее вождями, была признана ошибочной.

Пришедшая в этот момент на смену интернационалистского понимания истории патриотическая парадигма позволила писать об исторической прогрессивности самодержавия в Московский период. Иван Грозный стал положительным героем русской истории. Теперь объединительные процессы в русской истории не отождествлялись с одним «национальным гнетом». Сутью Московского государства стало объединение многонационального типа. В 1936 г. эта позиция была закреплена в замечаниях Сталина, Кирова и Жданова на конспект учебника истории СССР.⁴

Смута оказалась очень важным пунктом новой программы преподавания и исследования русской истории. В 1930-е — 1940-е гг. Лжедмитрий II перестал трактоваться как народный царь, а его движение стало именоваться интервенцией («скрытой формой интервенции») Речи Посполитой против России. Нужно было как-то объяснить народный характер этого и других антиправительственных движений Смуты. Поэтому писалось, что народ сначала не разобрался

¹ Там же. С. 80.

² Дубровский А. М. Историк и власть. Историческая наука в СССР и концепции истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.) Брянск, 2005; Юрганов А. Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011.

³ См.: Пичета В. И. Крестьянская война и борьба с иностранной интервенцией в начале XVII века // Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского. Сборник статей. Часть вторая. М.:Л., 1940. С.91–139.

⁴ Сталин И. В., Жданов А. А., Киров С. М. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР. См.: Сталин И.В. Сочинения. Т. 14.

в происходящем, а когда разобрался (т.е. когда «правящие круги Польши и Литвы» попытались захватить Москву), встал на ее защиту и изгнал интервентов из России.

В таком ключе написаны работы А. А. Савича¹, А. И. Козаченко², Л. Б. Генкина³. Сразу бросается в глаза, что все они вышли в свет в 1939 г., и трудно не предположить тут связь с пактом Молотова-Рибентропа. На первый взгляд, кажется, что все эти работы появились под влиянием событий сентября 1939 г. Однако, как оказывается, они были сданы в набор гораздо раньше: в апреле 1939 г. (Генкин), январе 1939 г. (Козаченко), марте 1939 (Савич). Это одно из свидетельств того, что Сталин шел к пакту и разделу Польши давно. Все указанные работы отличает выраженная антипольская риторика.

А. А. Савич был учеником М. К. Любавского по учебе в МГУ, и это важное обстоятельство. Выдающийся историк Матвей Кузьмич Любавский был известен как автор трудов по истории Литвы и Польши. В 1930 году Любавский был арестован по так называемому «академическому» делу («дело академика Платонова»), одновременно с другими виднейшими историками. В феврале 1931 года был арестован и в июне расстрелян за «контрреволюционную деятельность» его сын Валериан, а сам Любавский был лишен звания академика и осужден на 5 лет ссылки. Он был выслан в Уфу, где скончался в 1936 г. вскоре после окончания срока ссылки. А. А. Савич в период академического дела был профессором, заведующим кафедрой истории народов СССР Пермского индустриально-педагогического института. Он создал научную школу пермских историков, начал исследование истории русской колонизации Пермского края, народных движений на его территории и хозяйственного освоения Прикамья. В 1932 году, обвиненный в том, что проводит «антимарксистские установки в своих научных трудах» и не обеспечивает «преподавание своего предмета на основе марксистско-ленинской методологии», он был «отчислен» от занимаемой должности профессора Пермского пединститута, однако в дальнейшем переведён в Ярославский пединститут, а в дальнейшем работал в Минске и в Москве.

¹ См.: Савич А. А. Польская интервенция начала XVII в. в оценке М. Н. Покровского // Против исторической концепции М. Н. Покровского. М.; Л. 1939; Борьба русского народа с польской интервенцией начала XVII в. М. 1939.

² Козаченко А. И. Борьба русского народа с польско-шведской интервенцией начала XVII в. М. 1939; Разгром польской интервенции в начале XVII века. М. 1939.

³ Генкин Л. Б. Ярославский край и разгром польской интервенции в Московском государстве в начале XVII в. Ярославль. 1939.

В указанных книжках (скорее, брошюрах) Лжедмитрий I и Лжедмитрий II обозначены автором как «польские захватчики», которые «дважды пытались превратить Московское государство в полуколонию». ¹ Вслед за ними наступила «открытая интервенция». Впрочем, антипольские выпады в книге Савича довольно скромны, в основном он сосредоточился на изложении фактов. В заключении сказано: «В борьбе начала XVII в. русский народ вел справедливую, освободительную войну против захватнической войны польских панов, и потому все живые силы русского народа объединились в той борьбе и изгнали интервентов» (с. 56).

Другой автор — Л. Б. Генкин — был «красным доцентом», сделавшим карьеру в комсомоле и партии, политработником, преподавателем в Ярославле. В своей работе он написал: «Польские магнаты и шляхтичи с напряженным вниманием следили за теми событиями, которые происходили в Московском государстве... мечтали о завоевании России». ² Сигизмунд «резко возражал против приезда в Москву ученых, архитекторов, мастеров... культурных людей из-за границы... пытались изолировать Россию от других стран, затормозить культурное развитие русского народа, ослабить русское государство в военном отношении». Лжедмитрий I — «изменник родины, проходимец». ³ После его прихода в Москву «настоящими ее хозяевами оказались польские магнаты». Высланные в Ярославль Мнишек и другие поляки получали «шпионскую информацию» о происходящем в стране от Николая Мело (католического монаха, который содержался в Борисоглебском монастыре и «узнавал от монахов» о происходившем в стране). ⁴ Пленные организовывали «шпионскую сеть», налаживали связи с Польшей. Войско Лжедмитрий II — «крупное и хорошо организованное польское войско». ⁵ Король Сигизмунд якобы принимал активное участие в организации похода. Тушино называется центром интервентов, врагов, желающих «уничтожить русское национальное государство». ⁶ Автором были приведены сильные выдержки из источников, описывающих бедствия от иностранного нашествия, например, из Сказания Авраамия Палицына. Поэтому народ встал на борьбу («интервенты торжествовали слишком рано»). ⁷ Иван Сусанин — пример

¹ Савич А. А. Борьба русского народа... С. 7.

² Генкин Л. Б. Ярославский край... С. 52.

³ Там же. С. 52–53.

⁴ Там же. С. 61.

⁵ Там же. С. 65.

⁶ Там же. С. 87.

⁷ Там же. С. 114.

замечательного патриотизма русского народа. Итог: «Более трех столетий прошло с тех пор, как великий русский народ, несмотря на предательство князей и бояр, сумел разгромить польских захватчиков и интервентов...И если враг — фашистские авантюристы и захватчики — осмелится напасть на нашу страну... его ждет судьба много худшая, чем та, которую испытали польские интервенты в начале XVII в.»¹

Наиболее грубо написана брошюра Козаченко «Разгром польской интервенции в начале XVII века». Автор — популяризатор, специализировавшийся на исторических брошюрах — например, о Ледовом побоище, в которой было много неточностей, вошедших затем в литературу.² В брошюре о Смуте сказано, что еще в конце X в. «польский князь Мешко пытался захватить западно-украинские земли», но князь Владимир «освободил эти земли из-под власти Польши». Затем в XI в. это же хотел сделать польский король Болеслав, но «восстание народа заставило уйти наглых захватчиков».³ Итак, вся история Польши представляла как постоянное стремление нанести вред России. К XVII веку «погрязшее в омуте разврата, излишеств, роскошной и праздной жизни, польское панство проедало, пропивало, проигрывало колоссальные доходы, которые оно наживало путем неслыханного в Европе угнетения польских, украинских, белорусских и литовских крестьян». Паны «утратили чувство патриотизма, служили не интересам государства в целом, а интересам отдельных магнатов...» «Польское правительство все время следило за состоянием Русского государства: много здесь было всяких польских шпионов...».⁴ Разумеется, Лжедмитрий I — это «первая попытка польской интервенции». Марина Мнишек получила задание «шпионить». Во время восстания 1606 г. толпа «требовала добить польского агента» (Лжедмитрия I).⁵ Это уже — почти цитата из газетных статей о московских процессах 1936–1938 гг. Лжедмитрий II — «вторая попытка». А затем началось «открытое выступление Польши». (Именно «Польши» — Козаченко не обращал внимание на то, что речь должна идти о польско-литовском государстве). В конце Смуты стало окончательно видно «звериное лицо наглых разбойников — польских панов».⁶ Автор специально подбирал выдержки из источников, подчеркивающих жестокость поляков (убийство детей, насилие над

¹ Там же. С. 169.

² См.: Козаченко А. И. Ледовое побоище. М. 1938.

³ Козаченко А. И. Разгром польской интервенции...С. 23–24.

⁴ Там же. С. 25–26.

⁵ Там же. С. 100.

⁶ Там же. С. 119.

женщинами и пр.) Подчеркивается людоедство среди поляков, осажденных в Кремле и умирающих от голода (смакуются детали). По поводу сдачи Кремля было сказано: «Пожарский не допустил напрасного кровопролития. Он сдержал свое слово, сохранил жизнь пленным», хотя известно, что часть сдавших поляков, вышедших не к Пожарскому, а к казакам Первого ополчения, была ими перебита. После сдачи Кремля, «успешно шла ликвидация банд захватчиков по всей стране»¹ (фраза, напоминающая сводки времен гражданской войны красных и белых). В дальнейшем «паны не сумели создать сильное, развитое централизованное государство, которое могло бы сохранить в дальнейшем свою независимость» — отсюда и разделы Речи Посполитой, причина которых в слабости самой Польши.² Далее, в 1918 г., вновь возникло польское государство, но власть в нем опять оказалась в руках панов, вставших «на путь захватов и грабежей». Соответственная оценка дана войне 1920 г. Общий вывод: «Польские паны после 1918 г. за 21 год существования Польши не могли создать крепкое национальное государство».³

В том же 1939 г. была переиздана монография П. Г. Любомирова «Очерк истории нижегородского ополчения 1611–1613 гг.», опубликованная впервые в 1917 г. Второе издание было сдано в набор также весной 1939 г. Оно, как было указано в предисловии «От издательства», выпускалось «с небольшими редакционными изменениями», которые касались терминологии (использование понятий Смута, инородцы, обитель, старцы) и т.д. В предисловии уже во втором предложении сказано, что «в напряженной внешней борьбе Московское государство отстояло свою независимость против захватнических планов польских и шведских интервентов».⁴ И ниже: «Историки» из школы Покровского попросту выбросили вопрос о польско-шведской интервенции и о борьбе великорусского народа, который в ополчении 1611–1613 гг. отстоял свою национальную самостоятельность». Хотя у автора отмечается «выпячивание роли духовенства, религиозного начала в организации движения». Кроме этих слов во введении, не принадлежащих уже покойному тогда Любомирову, в работе, носящей в лучшем смысле слова позитивистский характер, не было особенных обобщений и, уж конечно, не было каких-либо политических или моральных оценок тех или иных сил, участвующих в Смуте.

¹ Там же. С. 162.

² Там же. С. 170–171.

³ Там же. С. 173.

⁴ Любомиров П. Г. Очерк истории нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М. 1939. С. 3.

В послевоенное время (конец 50-х гг.) важную роль в исследовании начала XVII в. сыграли работы И. С. Шепелева и Н. П. Долинина. До этого можно отметить работу Н. Л. Рубинштейна, в которой упоминалась «борьба за существование независимого Русского государства».¹

И. С. Шепелев был учеником очень известного историка русского средневековья И. И. Смирнова. К тому времени, о котором идет речь, И. И. Смирнов уже был автором знаменитой монографии о восстании Болотникова² и считался крупнейшим авторитетом в области исследования Смутного времени. Как и Смирнов, Шепелев считал Лжедмитрия II ставленником правящих кругов Речи Посполитой, употреблял в отношении него термин «скрытая интервенция».³ С конца 1930-х гг. эти оценки стали общим и обязательным местом советской историографии. Но исследования И. С. Шепелева представляли другой интерес. Как и И. И. Смирнов, он был настоящим ученым, глубоко знающим источники, опирающимся на них, а не на общие схемы, и его работы далеко продвинули изучение Смуты, в особенности, ее середины, связанной с движением Лжедмитрия II и историей Тушинского лагеря. И особенно свежим был собранным им материал по истории Первого ополчения, которое до того почти всегда оказывалось в тени более успешного Второго (нижегородского) ополчения.

¹ Возникновение народного ополчения в России в начале XVII в. // Труды государственного исторического музея. Т. 20, Военно-исторический сборник. 1948.

² Смирнов И. И. Восстание И. И. Болотникова. 1606–1607 гг. М.–Л. 1951.

³ Шепелев И. С. 1) К вопросу о классовой борьбе в Русском государстве в годы польско-литовской интервенции // Ученые записки (гуманитарные науки). Пятигорск, 1955. Т. 10; 2) Борьба первого земского ополчения за освобождение Москвы от иноземных захватчиков в 1611 году // Известия Воронежского государственного педагогического института. 1958. Т. 26. С. 99–115. В обеих статьях употребляется в отношении движения Лжедмитрия II понятие «польско-литовские интервенты», «участники интервенции» и пр. «Выполняя волю короля, гетман (Жолкевский — В. В.) пытался угрозами и разбоем запугать русский народ». Коварство — отличительная черта поляков. Гетман «вел ...игру, чтобы притупить бдительность в Первом ополчении и окончательно договориться в королю о походе под Москву». (См. Шепелев И. С. Борьба первого земского ополчения... С. 103). Здесь И. С. Шепелев шел за русскими источниками, в которых проводилась именно эта мысль. Главный вывод статьи: первое ополчение выражало «общенациональные интересы страны», заключавшиеся в том, чтобы «избавить страну от порабощения». (Там же. С. 114). «Ополчение возникло в условиях всеобщего недовольства русского народа польскими интервентами». «Все население страны было охвачено единой мыслью — освободить Родину от интервентов». Поэтому, это движение не продворянское, а общенародное. Его неудача заключалась в том, что Ляпунов стал заниматься делами одного своего класса.

Очень важна была книга И. С. Шепелева, написанная в то же время, что и статья о первом ополчении.¹ Несмотря на блеклое название, в ней содержалось много нового и ценного материала, а трактовки его во многом, не устарели до сих пор. Книгу И. С. Шепелева отличает полнота используемых материалов. Характерно, что он пользовался и доступными ему (автору, работавшему в провинции) польскими источниками. Во введении была дана характеристика позиции М. Н. Покровского. Покровский «дал отрицательную характеристику выступлению народных масс против польско-литовских захватчиков и тушинцев».² Последнее слово важно. Шепелев, фактически, показал, что тушинцы — это московские люди в значительной своей части, и что позднее они частью перешли в первое ополчение, а частью — противостояли ему в Москве. Появление Лжедмитрия II — «начало интервенции польско-литовскими панями», а ополчения — «освободительная война в защиту не царя Шуйского, а Родины, ее национальной независимости». Работа Генкина оценивалась Шепелевым высоко, как и статья Рубинштейна, но на самом деле книга Шепелева была написана на гораздо более высоком уровне, и сравнивать их можно лишь в оценочной части.

То же самое можно сказать о другом авторе, важнейшем для пятидесятых годов — Н. П. Долине, небольшая, но важная работа которого появилась одновременно с трудами Шепелева.³ Долинин, как и Шепелев, сделал предмет своих интересов Первое ополчение, самостоятельно исследовав большой массив источников. Основное внимание он обратил на роль казаков в освобождении Москвы, впервые показав их не просто как деструктивную стихию, но как важную социальную силу.

Книги И. С. Шепелева и Н. П. Долинина были частью «патриотической» парадигмы, но, в основном, по своей риторике, а собранный и проанализированный ими материал облегчил и даже подготовил переход к новому пониманию Смуты.

Третья историографическая парадигма — Смута как «гражданская война». Перелом наступил в 1980-х гг., когда появились работы А. Л. Станиславского и Р. Г. Скрынникова.⁴ Именно эти два автора изменили представление о Смуте как о

¹ Шепелев И. С. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608–1610 гг. Пятигорск, 1957.

² Там же. С. 14.

³ Долинин Н. П. Подмосковные полки (казацкие «таборы») в национально-освободительном движении 1611–1612 гг. Харьков, 1958.

⁴ Скрынников. Минин и Пожарский: Хроника Смутного времени. М., 1981. Серия ЖЗЛ; Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII века. «Смута». М. Мысль. 1988;

крестьянской войне. А. Л. Станиславский показал, что главой разрушительной силой, действующей в Смуту, было «вольное казачество». Это не были донские или волжские казаки, уже давно обитавшие на окраинах страны. «Вольные казаки» — собрание выходцев из разных социальных слоев прямо в центре Московского государства. Это были люди, лишившиеся своего прежнего социального статуса, оказавшиеся в результате хозяйственного кризиса выброшенными на улицу и не получившими защиты у царя: и бывшие служилые люди, и бывшие крестьяне, и бывшие посадские, и бывшие холопы. Значительную долю среди них занимали холопы-послужилцы (Р. Г. Скрынников употреблял понятие «боевые холопы»), профессиональные военные. Именно «вольные казаки» стали основной силой всех антиправительственных лагерей в Смуту. Они были заинтересованы в продолжении беспорядков, т.к. не имели прочного положения, службы и жалованья, необходимых для жизни, и добывали средства к ней в основном грабежом или же находились на содержании у самозванцев.

Р. Г. Скрынников показал, что основным социальным противоречием внутри корпорации служилых людей была ненависть плохо обеспеченных поместьями и денежными окладами мелких детей боярских южных уездов (лишь сравнительно недавно вошедших в состав Московского государства) к хорошо обеспеченным «московским служилым людям», т. е. столичным дворянам, стольникам и, тем более, думным чинам. Именно «служилая мелкота» южных уездов стала питательной средой всех антиправительственных начинаний. Через эти уезды шли отряды всех самозванцев, быстро обрстая участниками из числа местных служилых людей. Эти уезды назывались «украиной», иногда «северскими землями», «рязанской украиной», т. к. располагались вблизи границы, а наиболее отдаленные части уже считались Диким полем.

Таким образом, Станиславский и Скрынников ушли от понимания Смуты как крестьянской войны, идущей от книги И. И. Смирнова. Вместо классового конфликта они увидели борьбу внутри слоя служилых людей. Стержень Смуты лежал во внутренних проблемах Московского государства, а не в нашествии иноземцев, которое лишь обострило ситуацию. Р. Г. Скрынников выступил против оценки движения Лжедмитрия II как «скрытой интервенции», подчеркивая, что этот самозванец был выдвинут русскими повстанцами.

Ученик Р. Г. Скрынникова, И. О. Тюменцев стал исследовать движение Лжедмитрия II, опираясь на широкий круг документов, в том числе на открытые им

Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., Мысль. 1990.

в Шведском государственном архиве польские материалы, и будучи уже совершенно свободным от старых оценочных схем. В некоторых отношениях он шел вслед за польским историком Я. Мацшевским. Лжедмитрий I и Лжедмитрий II, по его мнению, не были ставленниками Речи Посполитой, правящие круги которой, а также общественное мнение, первоначально были против вмешательства в дела Московского государства. Наемники действовали в своих корыстных интересах. «Скрытая интервенция» началась, только с момента посылки отряда Яна Сапеги. Недальновидная политика Сигизмунда III сделала невозможным альянс Москвы и Варшавы и ослабила польско-литовское государство перед испытаниями, которые были уготованы ему в середине XVII в.

И. О. Тюменцев не только показал, что «тушинцы» не были «интервентами», но я объяснил массовую природу этого движения. Население уездов, переходивших на сторону Лжедмитрия II, особенно служилые люди, извлекали большие выгоды для себя. Те, кто при обычном ходе дел не мог рассчитывать на повышения по лестнице чинов, теперь, войдя в состав двора самозванца, получал более высокий статус, а также поместья и вотчины из числа владений знатных сторонников Василия Шуйского. Получали они также недоступные им ранее посты воевод в городах, переходящих на сторону самозванца, даже думные чины в его Боярской думе. Кроме того, Лжедмитрий II активно раздавал своим сторонникам дворцовые земли, оказавшиеся под его властью. Все это было особенно важно для окраинных (мелких южных, а также северо-западных) городских корпораций служилых людей, члены которых никогда ранее не имели доступ к власти и богатству.

Конечно, власть «Тушинского Вора» и его царицы была чисто номинальной. В лагере заправляли поляки и литовцы, среди которых на первом месте был гетман князь Роман Ружинский. В это время в Речи Посполитой произошло восстание шляхты против короля Сигизмунда, поэтому часть недовольных ушла в Московию — в Тушино. Другой частью тушинского лагеря были «русские изменники», в том числе — перебежчики из Москвы. Ответом на действия тушинцев были постоянные стихийные восстания, постепенно охватывающие все большие территории. В сознании народа тушинцы все больше превращались из войска «добротого царя Дмитрия» в шайку грабителей и насильников. В конце концов, тушинский лагерь совершенно разложился. В нем давно уже шла ожесточенная внутренняя борьба. Ветераны московского похода, служившими еще Лжедмитрию I, считали, что имеют право на лучшую долю добычи и большую власть по сравнению с теми, кто перешел на службу «Вору» уже под Москвой. Московская верхушка Тушина и поляки с литовцами

также не могли найти общий язык. Объединяло их только стремление получить обещанные награды.

Новое понимание многих моментов, связанных с московско-польскими отношениями периода Смуты появилось после выхода монографии Б. Н. Флори.¹ Русские служилые люди, собравшиеся в Тушине, были готовы сотрудничать с польскими властями, чтобы сохранить свое высокое положение и земли, дарованные Лжедмитрием II. Но они не могли просто согласиться на признание власти Сигизмунда. Приглашение польского королевича на русский престол было предложением компромисса. В принятии столь важного решения участвовали все «чины» тушинского «двора», а также и низовой состав русской части тушинского лагеря. Таким образом, это не было заговором, как традиционно считалось.

Однако в тексте послания королю говорилось, что окончательно вопрос может быть решен только советом всего Московского государства, «всей земли». Кроме того, обязательным условием для Владислава было выставлено принятие православия. Здесь можно увидеть определенное ограничение будущей власти Владислава, который должен был бы считаться с мнением бояр и других думных людей и с мнением «всей земли». Сигизмунд рассматривал Лжедмитрия II как противника. Гетман Жолкевский, узнав о низложении царя Василия Шуйского, сразу двинулся с войском к Москве. Начались переговоры между московскими боярами и гетманом. Это означало, что москвичи решили присоединиться к тому проекту, который уже созрел среди тушинских бояр: помириться с поляками, заключить договор с пришедшим под Москву гетманом Жолкевским и пригласить на престол польского королевича.

Важную роль в утверждении такого проекта сыграла позиция самого Жолкевского. Он вовсе не был другом польского короля, осуждал его за смоленскую авантюру, боясь, что она принесет вред Речи Посполитой. Возведение на русский престол Владислава, означающий установление династической унии, был, по его мнению, единственным выходом, который мог помочь избежать большого кровопролития. Но Жолкевский понимал, что это будет возможным только в том случае, если польский королевич будет принят в России добровольно, а не навязан, и если интересы русских не будут ущемлены. Тогда Московия стала бы союзником Речи Посполитой, и это бы укрепило позиции как последней, так и всего католического лагеря в Европе. Желая всеми силами способствовать

¹ Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005.

заклучению договора, Жолкевский пошел на уступки, договариваясь с москвичами, хотя по многим вопросам сознался, что не может дать ответа от имени короля. Он не стал сообщать русской стороне и о том, что Сигизмунд убрал пункт о православии королевича во время переговоров под Смоленском с тушинцами. В исторической литературе также привыкли оценивать подписание этих статей как результат келейных действий боярской думы. Но Б. Н. Флора показал, что это не так. В обсуждении договора участвовало гораздо большее число людей, чем те, кто его подписал. Источники свидетельствуют, что гетмана посетили сотни служилых московских людей (стольники и дворяне московские почти в полном составе), высказавших свои пожелания, который они хотели отраженными в договоре. И на этой встрече с гетманом был составлен текст одной из статей, вошедшей в договор. Поэтому есть все основания рассматривать договор августа 1610 г. как соглашение между гетманом Жолкевским и «всеми чинами», находившимися в то время в Москве и представляющими Московское государство. Этот важнейший вывод Б. Н. Флора позволяет по-новому взглянуть на Смуту в целом.

Когда стало ясно, что король не согласен выполнить условия соглашения с москвичами, гетман Жолкевский в знак протеста покинул короля и вернулся в Польшу. Во главе польского гарнизона Москвы стали гетман Александр Гонсевский, которому королем были даны жесткие инструкции: нужно было добиться, чтобы власть в Москве перешла прямо к Сигизмунду III. Для короля Сигизмунда война с Московией были эпизодом более важной для него борьбы со Швецией и протестантизмом. Он опасался, что после победы над Тушинским Вором русские и шведы совместно повернут оружие против него. Нападая на Смоленск, Сигизмунд надеялся укрепить свое положение в Европе, вернув утраченные когда-то земли на востоке и, возможно, заключить с ослабленным Московским государством унию, как в свое время — с Великим княжеством Литовским, подчинив его верховной власти польского короля. Но он не учел, что население Московского государства было носителем другой ментальности и другой культуры. Произошло столкновение двух культур, разных культурных и политических установок. Русские современники рассматривали действия поляков, исходя из привычной для них самодержавной модели, и из православной доктрины. Сигизмунд не мог соответствовать ни первой, ни второй.

В результате, напряжение между отрядами польского короля и местным населением быстро нарастало не только в Москве, но и в других городах. Это было, прежде всего, культурное и конфессиональное противостояние.

Итак, многие традиционные взгляды на Смуту были пересмотрены в 2000-е годы, когда из печати вышла сразу несколько больших исследований, посвященных этой теме. Кроме работ, Б. Н. Флори и И. О. Тюменцева, отметим серию научно-популярных книг В. Н. Козлякова,¹ книгу В. И. Ульяновского² и, в особенности, — работы Г. А. Замятина (не опубликованные при жизни автора).³ Они ввели в оборот новые источники и новое понимание Смуты. Прежде всего, произошел окончательный отход от черно-белого рассмотрения этих событий как борьбы дворян-патриотов и бояр-изменников, а понятие «иностранный интервенции» перестало прилагаться ко всему периоду и вообще потеряло старый смысл. Более глубоким стало понимание событий, связанных с историей Тушинского лагеря, а также планов избрания на московский престол польского королевича Владислава и шведского Карла Филиппа.

К важнейшим выводам Смуты относят то, что она показала, как боярская верхушка, которая должна была взять в свои руки судьбу страны в отсутствие государя, с этим не справилась и не смогла противостоять незаконным действиям короля Сигизмунда. Но иначе и быть не могло, поскольку еще в XVI веке московские государи, в особенности Иван IV, своей политикой способствовали утрате русской знатью политической активности.

В момент кризиса Смуты и ослабления государственного начала, родилось осознание того, что не только государь и бояре, но и «вся земля» несет ответственность за судьбу страны (последняя отождествлялись в народном сознании с судьбой православия). Это осознание общей ответственности наиболее полно выразилось в деятельности Второго ополчения, инициатива создания которого полностью шла снизу, из среды посадских людей. Однако, восстановление, а потом и усиление государственного самодержавного начала, привело затем к угасанию гражданских инициатив, дух которых доживал в традиции коллективных челобитных XVII века.

¹ Козляков В.Н. 1) Марина Мнишек. Серия ЖЗЛ. М., 2005; 2) Василий Шуйский. М., 2007. Серия ЖЗЛ; 3) Борис Годунов. Серия ЖЗЛ. М., 2011.

² Ульяновский В. Смутное время. М., 2006.

³ Замятин Г.А. Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории. СПб., 2008.